

Поезд Москва — Владивосток шел точно по расписанию. Я был в купе один, вагон покачивало на стыках. Это была редкая возможность хорошо поработать. Чтобы пополнить свои знания о Дальневосточном театре военных действий, читал книги по истории, географии и этнографии народов Китая, Приморья, Японии. Усиленно штудировал словарь, вспоминая японский язык.

Мне было известно, что в апреле на Дальний Восток с советско-германского фронта была перебросена 39-я армия, а позже, после разгрома и капитуляции фашистской Германии, туда же ушли 5-я и 53-я общевойсковые армии и 6-я гвардейская танковая армия.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования некоторые командующие войсками фронтов и армий, их начальники штабов, а также другие ответственные военные руководители, имевшие богатый боевой опыт, назначались на соответствующие должности в войска Дальнего Востока. Здесь им предстояло претворить в жизнь планы по разгрому японских вооруженных сил в этом районе. Командующий войсками 4-й гвардейской армии генерал-лейтенант Н.Д. Захватаев и я были назначены соответственно на должности командующего и начальника штаба 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта. Командарм Захватаев был уже на месте. Я немного задержался, так как заезжал к семье в Косенку.

Размеренная дорожная жизнь неожиданно была нарушена военным командантом одной из железнодорожных станций недалеко от города Читы 15 августа 1945 года. Вошедший в купе вагона офицер представился и доложил, что генералу Деревянко приказано на станции Чита сойти с поезда. Вот все, о чем он мог доложить.

К. Деревянко

ТАК ЗАКОНЧИЛАСЬ ВТО

“Зачем?” “Почему?” — словно сильным ветром унесло эти вопросы, когда на перроне увидел около вагона генерал-полковника С.П. Иванова. “Значит, все в порядке”, — молнией пробежала мысль.

Семен Павлович пригласил меня в машину, и через некоторое время мы уже были в ставке главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке — Маршала Советского Союза А.М. Василевского. Александр Михайлович вручил мне телеграмму за подписями Верховного Главнокомандующего Сталина и начальника Генерального штаба Антонова. В ней было сказано, что генерал Деревянко назначается представителем Главного командования Советских войск на Дальнем Востоке при генерале Макартуре. В связи с этим он поступает в непосредственное подчинение Маршала Советского Союза А.М. Василевского.

В беседе А.М. Василевский сказал, что на меня возлагается задача по координации наших действий и действий союзников. Генерал Макартур уполномочен подписать условия капитуляции Японии. Надо было участвовать во всех без исключения переговорах союзников с японцами, обо всем докладывать маршалу и копию пересылать Антонову в Генеральный штаб.

Я достал записную книжку, видя, что маршал просматривает свои записи и разговор еще не заканчивает. Он заметил это и, улыбнувшись, сказал:

— Да, Кузьма Николаевич, записывайте, теперь вам больше воевать пером и словом, чем командовать частями и соединениями. Помните, без моего особого разрешения никаких документов о капитуляции Японии не подписывать, от себя никаких обещаний не давать и на себя никаких обязательств не брать, при переговорах о капитуляции следует иметь в виду, что капитулировавшим могут быть сохранены личные вещи, ордена и т.п., условия содержания — в соответствии с международными соглашениями по этому поводу.

Затем он предупредил, что во время переговоров мне необходимо внимательно следить за всеми перемещениями японских войск и немедленно о них докладывать ему и Антонову.

Посоветовал хорошо изучить группировки японских войск по всем оперативным направлениям и американские предложения по капитуляции и наши добавления и требования.

Подведя итог разговору, Василевский сказал, что Москва требует скорейшего отправления в Манилу. Готовность к вылету из Хабаровска — утром 18 августа. Лететь придется, вероятно всего, на американском самолете, на котором союзники придут в Хабаровск.

Попрошавшись с Василевским, я тут же направился к генералу Иванову. Семен Павлович усадил меня за отдельный стол в своей рабочей комнате и буквально завалил папками с бумагами.

— Кузьма Николаевич, тут все о противнике, а расположение наших войск хорошо видно на этих картах, — пояснил он, показав мне на большие листы рабочих карт, висевших на специальных подставках. — Я выбрал для работы эту комнату, — продолжал генерал Иванов, — потому что сюда идет информация со всех фронтов.

— Когда же все это одолею? — с сомнением заметил я. — Вылетаю через трое-четыре суток.

— Положение у вас, Кузьма Николаевич, сложное, — согласился Семен Павлович. — Чем же я могу помочь? Здесь нужен толковый и знающий весь театр действий офицер. Могу предложить одну кандидатуру. Генерал, служит на Дальнем Востоке лет семь.

— Кто такой?

— Генерал-майор Семенов Василий Александрович. Окончил Военную академию имени Фрунзе. Командовал дивизией и корпусом. У нас его называют “теоретиком” за пристрастие к военной теории. Маршал пригласил его для подготовки материалов по второму этапу боевых действий.

— Хорошо, — согласился я, — посмотрю общие сведения, а вечером рад буду с ним познакомиться и уточнить детали.

Работал я в тот день до поздней ночи и был очень признателен генералу Иванову за то, что он предоставил мне рабочее место рядом с собой. За годы войны много пришлось повидать, лично участвовать в операциях различного характера. Но здесь, на Дальнем Востоке, масштабы были поразительные. Одновременно боевые действия велись на суше и на море, в горах и в пустыне. Наша авиация наносила удары по узлам дорог и другим важным объектам, расположенным в приграничной полосе и в тылу противника. Тихоокеанский флот, выйдя в море, перерезал морские коммуникации Квантунской армии и нанес удары с моря и воздуха по портам в Северной Корее, высадив здесь морские десанты.

За первые 8–10 дней наши войска продвинулись в глубь Маньчжурии более чем на 300 км, сломив сопротивление основных сил Квантунской армии на всех оперативных направлениях и расчленив их на части. Были созданы условия для разгрома группировок противника по частям.

В гостиницу я приехал поздно, но спать не хотелось, так как сказывалась разница с московским временем. Я позвонил дежурному по штабу и попросил соединить меня с генералом Семеновым. Оказалось, что он остановился в этой же гостинице. Через некоторое время в дверь моего номера постучали и в комнату вошел среднего роста худощавый генерал-майор.

— Заходите, заходите, Василий Александрович, — поднялся я навстречу гостю. — Генерал Иванов говорил, что мы с вами земляки?

— Я с Днепрпетровщины.

— А я из-под Умани. Даже не верится, что неделю назад был еще в своей деревне.

— Как там после оккупации, что нового? Мне ведь об этом домашние почти ничего не пишут.

Разговор наш затянулся. У нас с генералом Семеновым судьбы были схожими: я вспомнил, как в 1922 году стал курсантом военной школы в Киеве, затем был переведен в Харьков. Оказалось, что Василий Александрович связал свою судьбу с армией еще раньше, вступил в шестнадцать лет добровольцем в одну из частей, громившую остатки банд в его родных местах.

Потом мы долго говорили о делах насущных, когда лучи солнца, ворвавшиеся в комнату, напомнили, что уже начался новый день. Договорились встретиться в штабе и закончить беседу. В.А. Семенов весьма существенно дополнил мои сведения о японских войсках, так как принимал непосредственное участие в подготовке и в осуществлении операции на участке своего фронта.

Обстановка складывалась благоприятно. Советские войска отрезали Квантунскую армию от баз снабжения и накрепко изолировали ее от метрополии.

Японское командование обратилось к маршалу Василевскому с предложением прекратить военные действия. Главком сообщил об этом в Москву, подчеркнув, что в этом предложении ни слова не было сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. Больше того, на ряде участков советско-японского фронта японские войска попытались перейти в контрнаступление.

Мой отлет несколько задерживался, так как советское командование предложило командующему Квантунской армией генералу Ямаде с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдать в плен. Командующим фронтами было приказано ускорить темпы наступления, так как японцам было сообщено, что мы прекратим боевые действия только тогда, когда японские войска начнут сдавать оружие.

С 19 августа началась массовая сдача японских частей в плен. Завершился разгром японской Квантунской армии. В результате операции была наголову разбита Квантунская армия, освобождены Северный Китай, Северная Корея, Южный Сахалин и Курильские острова.

А 22 августа 1945 года в газетах было опубликовано сообщение о том, что представителем советских войск при генерале Макартуре назначен генерал-лейтенант Деревянко, который на днях прибудет в штаб генерала Макартур в Маниле.

Что я знал о генерале Дугласе Макартуре в тот период? Общие биографические данные. Родился он в 1880 году, профессиональный военный, в 1930–1935 годах был начальником штаба американской армии. С 1941 года командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке. В 1942 году бросил свои войска, окруженные японцами на полуострове Батаан на Филиппинах, и бежал в Австралию на самолете. Но даже этот позорный факт не повлиял на его карьеру, и он остался главнокомандующим американских войск на Дальневосточном театре боевых действий и главнокомандующим войсками союзников. Узнал я о Макартуре и то, что он — сын генерала Артура Макартур, под началом которого в 1898 году американские морские пехотинцы воевали на Филиппинах с испанцами.

С тех пор и по 1946 год Филиппины были колонией США; правда, с 1942 по 1945 год здесь хозяйничали японцы. 8 декабря 1941 года японские самолеты сбросили на Филиппинские острова тысячи бомб. Вслед за этим японцы начали высадку десантов и захватывали один остров за другим, вытесняя и громя американские гарнизоны. 6 мая 1942 года последовала капитуляция американской армии на Филиппинах. К этому времени большая часть страны уже была в руках японских войск. 20 ноября 1944 года на остров Лейте недалеко от городка Пало высадились американский десант. Так началось освобождение Филиппин от японских оккупантов.

Перед вылетом меня еще несколько раз принимал маршал Василевский, хотя времени у него было крайне мало. Во время этих встреч уточнялся порядок связи, обговаривали кандидатов в мою группу в Маниле. Мне довелось присутствовать на допросе начальника штаба Квантунской армии генерала Хата. Сведения, которые он дал, почти не отличались от тех, что мы уже имели.

25 августа 1945 года я вылетел в штаб американских вооруженных сил на Тихом океане на Филиппинские острова в город Манилу. Полет до Манилы проходил долго — 10 часов 30 минут без посадки. Самолет часто попадал в заградительный огонь японской зенитной артиллерии, и поэтому такие участки приходилось обходить на большой высоте, на многие десятки километров отклоняясь от избранного маршрута. К счастью, все обошлось без происшествий.

25 августа в 11.30 утра по владивостокскому времени приземлился в аэропорту города Манилы.

Нас встретили представители штаба Макартур полковник Ладер и большая группа фотокорреспондентов.

В тот же день я представился генералу Макартуре и после общих фраз сразу же перешел к решению ряда важных вопросов, определявших мою дальнейшую деятельность при генерале Макартуре. Среди них: о работе радиостанции для связи со штабом маршала Василевского, о предоставлении материалов для ознакомления с ходом операции по высадке союзных войск в Японии, о списках военных преступников и прочие.

Генерал Макартур тут же шуточно поднял руки и сказал, что этими вопросами занимается начальник штаба генерал Сатерленд, а его интересует следующий вопрос: есть сведения, что в одной из радиопередач из Москвы говорилось о намерении Советского Союза высадить свои войска на острове Хоккайдо. Я тут же ответил, что эта информация не соответствует действительности, что советские войска таких задач не имели и не имеют.

27 августа мне пришла из Ставки телеграмма, в которой говорилось, что я уполномочен от имени Советского Верховного Главнокомандования подписать